

А. В. Чудинов

Государственный академический университет
гуманитарных наук,
Москва

ПЕРВОЕ КАИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1798 Г.: НАРОДНАЯ СТИХИЯ ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ ЗАГОВОРА?

Поскольку Первое Каирское восстание стало своего рода поворотным пунктом в ходе Египетской экспедиции Восточной армии, его так или иначе затрагивал практически каждый из историков, писавших о ближневосточной аванюре Бонапарта. Однако, несмотря на, казалось бы, детальное освещение данного события в историографии, некоторые, даже ключевые, его аспекты до сих пор трактуются исследователями по-разному. Рассмотрим вопрос о происхождении самого движения: стало ли оно результатом чьего-либо умысла или же носило стихийный характер? Ответы на него разные авторы давали порою прямо противоположные. Это дало основание автору статьи обратиться к анализу данного события с опорой на архивные и опубликованные источники. Исследование показало, что восстание было целенаправленно спровоцировано частью каирского духовенства и с самого начала имело ярко выраженную антифранцузскую направленность. Убийство генерала Дюпюи, которое Наполеон, а затем и ряд историков, считали поворотным моментом в развитии восстания, утверждая, что только после него движение якобы и приобрело насильственный характер, таковым не было. Оно имело место одновременно с убийствами других французов, происходившими по всему Каиру, а, может, даже предварялось ими. Вместе с тем не подтвердилась и встречающаяся в исторической литературе версия о том, что восстание разворачивалось по некоему плану, загодя разработанному участниками «заговора» шейхов. Хотя мятеж и был целенаправленно спровоцирован, он быстро вышел из-под контроля инициаторов, сумевших сохранить за собой роль только его духовных предводителей. Отсутствие реального военного руководства и продуманного плана действий у повстанцев стало главной слабостью движения, обусловившей его быстрое подавление.

Ключевые слова: Египет, Франция, Наполеон Бонапарт, Египетский поход 1798–1801, Первое Каирское восстание

Благодарности: Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения

государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF–2023–0003 Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории).

Цитирование: Чудинов А. В. Первое Каирское восстание 1798 г.: народная стихия или результат заговора? <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-89-112> // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 89-112.

Поступила в редакцию: 04.01.2024

Принята к печати: 17.01.2024

Alexander V. Tchoudinov

State Academic University for the Humanities,
Moscow

THE FIRST CAIRO UPRISING OF 1798: A POPULAR SPONTANEITY OR THE RESULT OF A CONSPIRACY?

Since the First Cairo Uprising was a kind of turning point during the Egyptian expedition of the Army of Orient, it was somehow affected by almost every historian who wrote about Bonaparte's Middle East adventure. However, despite the seemingly detailed coverage of this event in historiography, some, even key, aspects of it are still interpreted by researchers in different ways. For example, the question of the origin of the movement itself: was it the result of someone's intention or was it spontaneous? The answers to it were sometimes given by various authors in exactly the opposite way. This gave the author of the article a reason to turn to the analysis of this event and, to understand its origins, analyze it basing on archival and published sources. The study showed that the uprising was deliberately provoked by part of the Cairo clergy and from the very beginning had a pronounced anti-French orientation. The assassination of General Dupuy, which Napoleon, and then some historians, considered a turning point in the development of the uprising, considering that it was only after it that the movement allegedly acquired a violent character, was not the first. It was done simultaneously with the murders of other Frenchmen that took place all over Cairo and was even preceded by them. At the same time, the version sometimes presented in

the historical literature that the uprising unfolded according to some plan developed in advance by the participants of the "conspiracy" of the sheikhs was not confirmed. Though the rebellion was deliberately provoked, it quickly got out of control of the initiators, who managed to retain the role of only its spiritual leaders. The rebels' lack of real military leadership and a well-thought-out plan of action became the main weakness of the movement, which led to its rapid suppression.

Keywords: Egypt, France, Napoleon Bonaparte, the Egyptian Campaign of 1798–1801, The First Cairo Uprising

Acknowledgements: The study is realized in the State Academic University for the Humanities within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZNF–2023–0003 Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history).

Citation: Tchoudinov, A., (2024). *Pervoe Kairskoe vosstanie 1798 g.: narodnaia stikhiia ili rezul'tat zagovora?* [The First Cairo Uprising of 1798: A Popular Spontaneity or the Result of a Conspiracy?]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-89-112>. *Annual of French Studies*, 2024, vol. 57, p. 89-112.

Введение

Невозможно переоценить роль антифранцузского восстания жителей Каира 21–22 октября 1798 г. в истории Египетского похода Бонапарта. Это народное движение продемонстрировало крах надежд французского главнокомандующего заручиться поддержкой или хотя бы дружественным нейтралитетом арабского населения в борьбе против мамлюков. А ведь он с первых дней своего пребывания в Египте убеждал местных жителей в искренней симпатии французов к мусульманам и исламу в целом. Восстание показало, что египетские мусульмане заверениям Бонапарта не поверили и видели во французах врагов. В свою очередь, французские военнослужащие, жестоко подавив выступление жителей Каира, с облегчением отказались от той показной доброжелательности к местному населению, которой от них настойчиво требовал главнокомандующий, и перестали скрывать свое отвращение и презрение к египтянам. Царившая, пусть даже сугубо внешне, в первые три месяца после захвата французами Каира идиллия в отношениях между оккупантами и египетскими мусульманами закончилась.

Поскольку Первое Каирское восстание стало своего рода поворотным пунктом в ходе Египетской экспедиции Восточной армии, его так или иначе затрагивал практически каждый из историков, писавших о ближневосточной аванюре Бонапарта. Однако, несмотря на, казалось бы, детальное освещение данного события в историографии, некоторые, даже ключевые, его аспекты до сих пор трактуются исследователями по-разному. Рассмотрим вопрос о происхождении самого движения: стало ли оно результатом чьего-либо умысла или же носило стихийный характер? Ответы на него разные авторы давали порою прямо противоположные. Возьмем для примера несколько работ, наиболее значимых для историографии темы.

Инженер Пьер-Доминик Мартен, участник Египетского похода и автор его первой истории, вышедшей в 1815 г., считал импульсом к началу восстания воздействие извне: «Однако надо сказать: народ Египта был добр и сам бы не дошел до таких эксцессов, если бы его к этому не подтолкнуло внешнее влияние»¹. По мнению Мартена, ситуацию внутри Египта раскачали турки и англичане, наводнившие страну агитационными материалами с призывами к борьбе против безбожников-французов. Но если на большинство населения Египта подобная агитация производила желаемое впечатление, то жители столицы, утверждает Мартен, первое время оставались к ней равнодушны, и только имамы мечетей, пылая ненавистью к неверным, искали повода натравить на них своих соотечественников. Таким поводом стала опись оккупационной администрацией недвижимости в Каире, вызвавшая большое недовольство мусульман: «Тогда имамы, посчитав это благоприятным случаем, воззвали к Аллаху и Пророку, и все встали под их священные знамена»². Иными словами, без усилий имамов жители Каира продолжали бы и дальше жить с французами в мире и согласии.

А вот по версии другого, самого главного участника Египетской экспедиции – Наполеона Бонапарта, представленной в его воспоминаниях, развитие событий носило скорее стихийный характер. Да, он признает, что турки и бежавшие из Каира мамлюкские беи вели в стране антифранцузскую пропаганду, что сами жители столицы были недовольны инженерными работами фран-

¹ *Martin P.-D.* Histoire de l'expédition française en Égypte. P., 1815. T. 1. P. 241.

² *Ibid.* P. 253.

цузов в городе и контрибуциями, которые оккупанты взимали с местных купцов, однако описывает первые мгновения восстания едва ли не как бытовой конфликт, получивший в силу стечения обстоятельств трагическую развязку. Впрочем, Наполеон, как он это часто делает в своих мемуарах, не называет определенно причины происшедшего, а лишь подводит читателя к тому, чтобы тот сам сделал желаемый автором вывод. Так, сначала, вне связи с событиями восстания, Наполеон дает характеристику личных качеств коменданта Каира генерала Д. М. Дюпюи, в целом положительную, но с указанием на его недостаточную сдержанность, необходимую для ведения дел на Востоке:

«Он являлся хорошим и смелым офицером, но был горяч и весьма вспыльчив. Он происходил из Тулузы. Живость гасконца плохо уживалась с восточной степенностью. Он не придавал никакого значения собственным словам и с легкостью угрожал жителям применением телесного наказания. В Европе хорошо знают, что подобные угрозы бессмысленны, поскольку они выходят за пределы полномочий того, кто к ним прибегает; что для применения телесного наказания необходим ряд публичных формальностей; но в условиях абсолютистского режима, когда представители власти могут позволить себе что угодно, всякий, кому угрожали, считал себя погибшим и жил чрезвычайно тревожно»³.

Рассказывая же о событиях 21 октября 1798 г., Наполеон мимоходом бросает еще одно замечание, которое должно навести читателя на мысль, что эскалация произошла только из-за того, что Дюпюи в критической ситуации действовал не лучшим образом. В этот день, пишет Наполеон, возле дома кади (судьи) собралась возбужденная толпа, привлеченная тяжбой между одной из профессиональных корпораций и ее старшиной в связи с распределением очередной французской контрибуции.

«Туда явился ага полиции; он предупредил о том, что большое число злонамеренных лиц возбуждает толпу. Но поскольку жители Каира любят поговорить, отличаются живостью характера и чрезвычайно любопытны, генерал Дюпюи был привычен к подобного рода тревожным известиям. Он все же направился ко дворцу, но слишком поздно. Он оставил свой патруль драгун во дворе и поднялся к кади. Видя, что умы сильно возбуждены, он посоветовал этому должност-

³ *Наполеон Бонапарт. Египетский поход.* СПб., 2007. С. 139–140.

ному лицу отложить рассмотрение дела на завтра, что тот и сделал. Дюпюи с трудом пробился сквозь толпу к своему коню. Драгун толкали со всех сторон. Одна из лошадей опрокинула магрибинца. Этот свирепый человек, прибывший из Мекки, выстрелил из пистолета, убил всадника и вскочил на его коня. Французский отряд атаковал и разогнал народ. Генерал Дюпюи выехал со двора, но едва он показался на улице во главе своего патруля, его ударил копьём какой-то человек, стоявший там, как на посту. Он упал замертво»⁴.

А уже после того, как по Каиру пронесся ложный слух, что погиб не комендант, но сам главнокомандующий, мусульмане, пишет Наполеон, стали нападать на французов и местных христиан. Иначе говоря, если бы Дюпюи прибыл без задержки, если бы лошадь драгуна не опрокинула вспыльчивого магрибинца и если бы «какому-то человеку» не удалось поразить генерала насмерть копьём, никакого бунта не произошло бы. Версия о спонтанной вспышке восстания в результате совпадения ряда случайностей вполне отвечала основной идее мемуаров Наполеона о том, что он уже в первые месяцы оккупации сумел найти общий язык с египтянами и завоевать их доверие⁵.

Однако другие участники Египетского похода, подготовившие и выпустившие в 1830–1836 гг. его «Военную и научную историю» в 10 томах, не разделяли точки зрения своего бывшего предводителя. По их мнению, «идиллия» добрых взаимоотношений египтян с французами в первые месяцы оккупации была исключительно кажущейся. За внешней лояльностью местных жителей скрывалась ненависть к непрошенным «освободителям»⁶. Эта ненависть подогревалась мамлюкскими агентами и мусульманским духовенством, активно распространявшими антифранцузскую пропаганду⁷. Восстание же, по мнению авторов указанного труда, стало результатом заговора, во главе которого стоял тайный комитет из каирских шейхов и агентов беев. Якобы именно этот комитет на тайном заседании в ночь на 21 октября и принял решение поднять утром людей на борьбу против оккупантов. Авторы в красках описывают, как спозаранку город наводнили ораторы-пропо-

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Подробнее см.: Чудинов А. В. О причинах Первого Каирского восстания 1798 г. // ФЕ. 2023. Т. 56. С. 74–96.

⁶ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830–1836. Т. 4. P. 138–139.

⁷ Ibid. P. 139–141 и далее.

ведники, собиравшие вокруг себя толпы народа и призывавшие к борьбе с неверными. Аналогичные призывы якобы звучали и с минаретов. Подробно рассказывается и о первых часах восстания, когда его «предводитель» сеид Бадр ад-Дин ал-Мукаддаси во главе своих сподвижников прибыл в дом кади и позвал того вместе идти к Бонапарту, причем разговор между ними передается дословно. Проблема, однако, состоит в том, что никаких источников своих сведений эти авторы не указывают, а ни в одном из дошедших до нас документов нет информации о каком-либо тайном заседании какого-либо тайного комитета. Видеть же своими глазами что-либо подобное эти авторы возможности, естественно, не имели, поскольку ни один француз при подобных встречах и разговорах, если таковые происходили бы, конечно же присутствовать не смог бы. Более того, даже сообщение о звучащих с минаретов призывах к восстанию выглядит небесспорным, поскольку французы, по их собственному признанию, никогда не понимали, о чем поют муэдзины⁸, а сотрудничавшие с оккупационной администрацией переводчики из числа местных христиан ни о каких подстрекательских призывах духовенства французам в тот день не сообщали. В противном случае Бонапарт, конечно же, не уехал бы поутру инспектировать строительные работы из уже начинавшего закипать города. Скорей всего, недостаток точных сведений о происходившем авторы «Военной и научной истории» восполнили собственной фантазией, к чему вполне располагала принятая в данном издании беллетризованная форма изложения.

Клеман Ла Жонкьер, автор вышедшего на рубеже XIX–XX вв. пятитомного труда о первом годе Египетской экспедиции, повторил утверждения своих предшественников об агитации, публично звучащей с минаретов накануне восстания, хотя источника таких сведений тоже не привел. Находившийся при штабе армии офицер инженерных войск, шеф батальона Жан-Франсуа Детруа, чей дневник цитирует Ла Жонкьер, говорил лишь о звучащих в то утро с минаретов призывах к сбору мусульман, что отнюдь не равнозначно агитации⁹. В целом же, рассказывая о восстании, Ла Жонкьер ограничивается воспроизведением пространственных выдержек из двух источников – все того же дневника Детруа и хро-

⁸ См., например: *Merme J. M. Des pyramides à Moscou: souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier // Recueil des mémoires et documents de l'Académie de la Val d'Isère. T. 14. Moûtiers, 1978. P. 14.*

⁹ *La Jonquière C., de. L'expédition d'Égypte. 2e éd. P., 2003. T. 3. P. 278–279.*

ники каирского шейха Абдурахмана ал-Джабарти¹⁰, дав таким образом слово очевидцам событий и с одной, и с другой стороны. Однако ни у того, ни у другого нет сведений о каком-либо «заговоре» шейхов и мамлюкских агентов.

Анри Лоранс, автор лучшей из существующих на сегодняшний день обобщающих работ о Египетской экспедиции, не отдал явно-го предпочтения ни одной из противоречащих друг другу версий происхождения Первого Каирского восстания, а попытался свести их воедино – ту, что изложена в «Военной и научной истории», и ту, что представлена в хронике ал-Джабарти. Упомянув со ссылкой на первую о существовании «заговора» шейхов, Лоранс далее приводит характеристики, которые ал-Джабарти дал своим соотечественникам, причисленным позднее французскими авторами к «заговорщикам». У читателя может сложиться впечатление, что оба источника взаимно дополняют друг друга, хотя на деле представленные в них версии отнюдь не совпадают. Впрочем, далее Лоранс справедливо подмечает, что ал-Джабарти использует для определения произошедшего термин *фитна*, имевший негативные коннотации – так местные элиты называли стихийный протест арабской улицы, от которого сами старались держаться в стороне. Далее французский историк сообщает, что всеобщий характер движение приобрело только после того, как по городу распространился ложный слух о том, что в уличной стычке был убит сам Бонапарт¹¹. Иными словами, начав с упоминания о «заговоре», автор приходит к заключению о том, что о заранее продуманном плане массового выступления речи не шло.

В последнем по времени (правда, далеко не безупречном по содержанию¹²) обобщающем исследовании о Египетском походе известный французский наполеонист Жак-Оливье Будон уже не имплицитно, как Лоранс, а вполне открыто объединяет две противоположные версии истоков Каирского восстания. Прочитав рассказ о первых его минутах, содержащийся в хронике ал-Джабарти, Будон несколько неожиданно приходит к такому выводу:

¹⁰ Подробнее об этом источнике см.: Прусская Е. А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ. 2010. Т. 42. С. 274–290; Она же. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016. Гл. 2; Фильштинский И. М. Каирские восстания 1798–1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарти // Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 46–56.

¹¹ Laurens H. L'expédition d'Égypte 1798-1801. P., 1997. P. 211–212.

¹² Подробнее см.: Чудинов А. В. «Хорошо забытое старое»: новые французские издания по истории Египетского похода Бонапарта // ФЕ. 2020. Т. 53. С. 299–313.

«Свидетельство Абдурахмана ал-Джабарти показывает, что население Каира не было едино в отношении *этого плана восстания*, который не являлся спонтанным, что доказывает спрятанное оружие, готовое к использованию против французов». Впрочем, тут же Будон сообщает такие подробности, которые плохо вяжутся с только что сделанным утверждением: «В действительности восстали люди из народа. Нотабли остались в стороне. Повстанцы имели примитивное вооружение, состоявшее из режущих предметов, железных прутьев, палок, а огнестрельного оружия было очень мало. Толпа вооружилась также камнями»¹³. Кто же, спрашивается, подготовил «план восстания», если элиты оставались в стороне? И что это был за «план», если «спрятанное оружие, готовое к использованию против французов», состояло преимущественно из камней и палок?

Как видим, в отношении истоков Первого Каирского восстания наиболее известные и авторитетные авторы из писавших о Египетском походе так и не пришли за минувшие после его окончания двести с лишним лет к единой точке зрения. Это дает основание вновь обратиться к анализу данного события в попытке понять его истоки, что далее и будет сделано с опорой на ранее опубликованные источники – арабские хроники, дневники и мемуары французских военнослужащих, а также на архивный оригинал дневника Детруа и на впервые привлекаемую в таком контексте архивную рукопись сочинения «Исторический обзор и дневник кампаний в Египте и Сирии французской Восточной армии в 1798, 1799, 1800 и 1801 гг.». Это сочинение, написанное во время Египетского похода и доработанное по его окончании офицером 9-й линейной полубригады Восточной армии, капитаном Этьеном Луи Феликсом Ауэ (Haûet), ныне хранится в Исторической службе Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense – SHD)¹⁴.

Начало

Ранее мне уже приходилось подробно писать о накопившихся за три месяца оккупации столицы Египта претензиях ее жи-

¹³ Boudon J.-O. La campagne d'Égypte. P., 2018. P. 67–68. Курсив мой – А. Ч.

¹⁴ SHD 1 M 583 Précis historique et journal des campagnes d'Égypte et de Syrie, faites par l'armée française d'Orient en 1798, 1799, 1800 et 1801..., par E. L. F. Haûet, officier à la 9e demi-brigade de ligne. 1801. Revu et terminé en 1816. В 2005 г. данный текст ограниченным тиражом опубликовали египетские коллеги с комментариями на арабском языке (Haûet E. L. F. Expédition d'Égypte, 1798–1801: mémoires d'un officier de l'armée française. Le Caire, 2005). Однако, поскольку это редкое издание труднодоступно, автор статьи использовал сделанную им в архиве Министерства обороны Франции фотокопию соответствующей рукописи.

телей к французам, поэтому ограничусь здесь лишь кратким их перечислением: «Систематическое оскорбление оккупантами религиозных чувств приверженцев ислама, непрерывный террор со стороны новых властей, спровоцированное французами обострение межконфессиональных противоречий в египетском обществе, попытка радикального изменения отношений собственности и порядка налогообложения без учета существующих реалий и, наконец, агрессивное привнесение в повседневную жизнь мусульманского общества чуждых тому практик поведения – всё это способствовало накоплению у египтян того недовольства, которое в результате и привело к социальному взрыву Первого Каирского восстания»¹⁵. Но понимало ли само французское командование, что давление внутри этого глухо бурлящего «котла» уже достигло опасного предела?

Задним числом, в своих мемуарах, а также в тех дневниках и корреспонденциях, что редактировались авторами позднее, участники экспедиции драматически описывают, как росло напряжение между оккупантами и местным населением. Так, лейтенант Д. Лаваль, рассказывая в своем дневнике о ситуации накануне восстания, сообщает: «Мусульмане, обремененные контрибуциями, стали недобро смотреть на нас и решили нас перерезать. Бонапарт, узнав об этом, приказал всем французам в Египте вооружиться саблями и ружьями и не выходить из дома без сабли»¹⁶. Однако эта «дневниковая» запись имеет явно более позднее происхождение, поскольку содержит анахронизм: всеобщее вооружение французов произошло уже после и вследствие восстания, а не до него. Сошлюсь на ал-Джабарти: «Никто из французов не выходил теперь [после восстания] на улицу без оружия, в то время как раньше с самого их прихода они, за исключением особых случаев, никогда не ходили по городу с оружием. А сейчас даже те из них, кто не носил с собой оружия, брали с собой в руки палку, хлыст или что-либо подобное. Они стали испытывать ненависть к мусульманам и остерегаться их»¹⁷.

Еще пример. В одном из писем руководителя швейной службы французской армии, капитана Ф. Бернуайе говорилось: «Несколько дней тому назад я заметил перемену в отношении к

¹⁵ Чудинов А. В. О причинах Первого Каирского восстания. С. 94.

¹⁶ Journaux sur l'Expédition d'Égypte. P., 2000. P. 181.

¹⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 114.

нам со стороны турок¹⁸. Та покорность, которую они демонстрировали нам с момента нашего прибытия, вдруг сменилась дерзким и презрительным тоном, что, на мой взгляд, не сулило нам ничего хорошего. Я сообщил о своих опасениях генералу Доммартену, который не придавал значения моим наблюдениям»¹⁹. К сожалению, мы не можем определить, действительно ли в данной записи отразилось сиюминутное впечатление или речь идет о позднейшей вставке, поскольку письма Бернуайе дошли до нас не в оригинальном виде, а в рукописной копии. Последняя же содержит анахронизмы, свидетельствующие о позднейшем редактировании. Так, говоря об устроенном Бонапартом в Каире 22 сентября праздновании Дня Республики, Бернуайе сообщает, что египтяне не разделяли веселья французов, поскольку еще помнили «об ужасных карах, которым Бонапарт подверг их после мятежа»²⁰. Это – явный анахронизм: Каирское восстание произойдет только месяц спустя после Дня Республики.

Но даже если Бернуайе и в самом деле еще накануне трагических событий, произошедших 21 октября, заметил перемену в настроениях местных жителей, то безмятежная реакция на его слова командующего артиллерией армии генерала Элезара Огюста Доммартена достаточно характерна. Документы, датируемые именно предшествовавшими восстанию днями, показывают, что командование Восточной армии не испытывало тогда никаких опасений относительно ситуации в Каире.

Об этом свидетельствует переписка самого Бонапарта. Да, он знал о ведущейся в стране агентами турок и мамлюков антифранцузской агитации и 18 октября поручил своим представителям в общенациональном диване Египта Г. Монжу и К. Л. Бертолле довести до членов дивана следующее: «Сообщите им о моем желании, чтобы они составили обращение к жителям страны, в котором дали бы им понять, как важно не брать на веру сознательно распространяемые их врагами смутные сообщения о приходе мамлюков: это лишь разозлило бы французов и привело бы к разрушению деревень. Пусть посоветуют им закрыть уши от этих злонамеренных и ничем не обоснованных слухов, выказывать повинование, жить в гармонии с французами и вместе с ними карать

¹⁸ «Турками» французы называли египетских мусульман.

¹⁹ *Berneyer F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie, 1798–1800 : 19 lettres inédites.* Port-Laval, 1981. P. 87.

²⁰ *Ibid.* P. 80.

арабов-грабителей [бедуинов – А. Ч.], не позволяя тем более опустошать поля и обижать бедных феллахов»²¹. Даже в день самого восстания, 21 октября, видимо, рано утром Бонапарт сообщает в письме Директории Франции: «Мы здесь всё в том же положении: армия экипируется и отдыхает, артиллерийские упряжки комплектуются, укрепления возводятся, страна обустроивается»²².

Ничто не тревожило и уже упоминавшегося выше офицера штаба армии Детруа. Ла Жонкьер опубликовал фрагмент из его дневника, относящийся непосредственно к восстанию, однако хранящаяся в архиве полная версия данного документа позволяет узнать, какой виделась Детруа ситуация в предшествующие дни. 15 октября Детруа вернулся в Каир из командировки в Александрию. 16–18 октября они с Бонапартом, генералом Доммартемом и командующим инженерными войсками армии генералом Л. М. Каффарелли Дюфальга обсуждали план строительства цепи фортов между Александрией и Рахманией. 19 октября Детруа с тревогой отмечает, что бедуины (французы их называли «арабами») «наглеют день ото дня»: в Бельбейсе они проникли в город и угнали лошадей у французских военных инженеров, в Булаке разграбили три барки в порту и убили грека, хозяина кафе и т. д.²³ Однако о ситуации в Каире ни слова. Более того, в предшествовавший восстанию день, 20 октября, Детруа в своем дневнике подробно описывает практику посещения французскими военными местных проституток. Какого-либо конфликта с местным населением он явно не ожидает. Его свидетельство тем более ценно, что дневник Детруа, в отличие от ряда других аналогичных источников личного происхождения, не подвергался позднему редактированию: 30 марта 1799 г. автор погиб во время Сирийской кампании.

Именно этим ощущением полной безопасности и объясняется то, что в день восстания главнокомандующий Восточной армии уехал на рассвете из Каира для инспекции строительных работ в окрестностях города. Между тем, по свидетельству Детруа, в тот день ранним утром уже можно было заметить первые признаки необычного поведения горожан:

²¹ *Bonaparte N. Correspondance générale. La campagne d'Égypte et l'avènement. 1798–1799. P., 2005. T. 2. P. 548–549.*

²² *Ibid. P. 564.*

²³ SHD 1 M 527 Journal tenu à l'armée d'Orient par le chef de brigade du génie Detroye du 24 m[essi]dor au VI pluviôse (12 j[ui]llet 1798 au 8 février 1788). P. 94.

«В 6 утра в разных кварталах города стали образовываться скопища людей. Слышался ропот по разным поводам. Муэдзины (*crieurs*) с минаретов несколько раз призывали собраться. Повсюду видны были турки, вооруженные ружьями или палками и бегущие по кварталам. Вскоре лавки закрылись, и около 8 часов утра французские войска, получив сигнал об общем сборе, взялись за оружие.

Главкомандующий, не беспокоясь о выполнении своих распоряжений (*tranquille sur ses dispositions*), сел на коня, чтобы вместе с генералами Каффарелли, Доммартемом и со мной посетить работы в Старом Каире и на острове Рауда»²⁴.

Если рассматривать этот фрагмент дневника Доммартена как изложение событий в хронологическом порядке, то возникает ощущение крайней странности происходящего. Горожане с оружием в руках толпами почему-то спешат к некоему месту сбора, а французский главнокомандующий, подняв свои войска по тревоге (!), спокойно уезжает инспектировать работы в окрестностях Каира.

В действительности же автор в первом абзаце дневника объединил те события, что разворачивались в Каире на протяжении двух часов уже после их с главнокомандующим отъезда, который произошел еще в достаточно спокойной обстановке. Сам Бонапарт в мемуарах пишет: «По счастливому стечению обстоятельств, едва занялся рассвет, Наполеон переправился через Нил для посещения арсенала в Гизе»²⁵. Восход в Каире в это время года наступает в 6 утра с минутами. И так же на восходе мусульмане совершают утренний намаз – фаджр. Именно поэтому, когда Бонапарт со свитой в предрассветных сумерках направлялся к воротам города, чтобы посетить расположенный на правом берегу Нила Старый Каир, находящийся напротив него остров Ар-Рауда или даже переправиться оттуда на левый берег реки в Гизу, улицы были заполнены толпами горожан, спешивших в мечети, а с минаретов муэдзины оглашали азан – призыв к верующим собраться на молитву. Детруа расценил эту утреннюю суету как необычную и подозрительную уже позднее – когда делал запись в дневнике и знал о последующем развитии событий. А если бы ранним утром французский главнокомандующий, направляясь на инспекцию, заметил что-либо подозрительное, едва ли он покинул бы город. Между тем он его покинул.

²⁴ *La Jonquière C., de. L'expédition d'Égypte. T. 3. P. 278.*

²⁵ *Наполеон Бонапарт. Указ. соч. С. 142.*

Первые мгновения восстания описаны многими французскими участниками экспедиции, но все эти «свидетельства» – либо отражение слухов, либо плод фантазии. Никто из французов в эпицентре событий в тот момент не присутствовал, а если бы кто-то там и оказался, то едва ли он имел бы потом возможность еще что-либо в своей жизни кому-то сообщить, поскольку жизнь эту он немедленно потерял бы. Поэтому наиболее достоверным источником в данном отношении являются арабские хроники всё того же

ал-Джабарти и находившегося в Каире ливанского христианина Никулы ат-Турка. Если даже они сами и не были очевидцами всего того, что происходило у дома кади и в мечети аль-Азхар, то, по крайней мере, могли слышать о том от непосредственных участников происходившего. Французы же такой возможности не имели.

Хотя ал-Джабарти и не говорит о каком-либо заранее разработанном плане восстания, о коем позднее будут писать историки, из его слов можно понять, что накануне выступления все-таки имел место некоторый сговор о совместных действиях между группой «активистов» из городских «низов» и рядом младших шейхов мечети аль-Азхар. Последние решили воспользоваться стихийным недовольством горожан, чашу терпения которых переполнила начатая французами перепись недвижимости в Каире:

«Некоторые покорились судьбе, а группа людей из простонародья отошла в сторону и тайно совещалась. Некоторые лица из числа тех, кто носил чалму [шейхи – А. Ч.], не учитывавшие последствий и не понимавшие, что они связаны по рукам и ногам, одобряли это дело. Собралась большая толпа, но у нее не было вождя, который бы ею руководил, и военачальника, который бы ее повел.

В воскресенье повстанцы сплотились и преисполнились решимости продолжать борьбу. Извлекли спрятанное оружие и военное снаряжение. Прибыл сейид Бадр в сопровождении толпы простых людей квартала ал-Хусайнийи и бродяг соседних кварталов. Все они громко кричали и шумели. С криком: “Да ниспошлет Аллах победу исламу!” – двинулись они к дому кади ал-аскара²⁶ и окружили его. К ним примкнули другие жители, и число собравшихся превысило тысячу человек. Кади испугался последствий, запер двери и поставил сторожей. Тогда из толпы стали бросать камни и кирпичи. Кади пытался бежать, но не смог. Огромная толпа собралась также в ал-Азхаре»²⁷.

Ат-Турк видит причины восстания в тех раздражавших мусульман переменах, которые французы привнесли в жизнь Каира. Причем он тоже говорит не о заговоре, а скорее о затаенной ненависти мусульман к оккупантам, которую часть духовенства совершенно осознанно постаралась направить в русло вооруженного восстания: «Все эти нововведения рассматривались мусульманами как боль-

²⁶ Кади ал-аскар – главный египетский кади. Должность эту в XVIII в. занимал обычно турецкий чиновник, назначенный султанскими властями. К началу французской экспедиции этот пост занимал некий Джумкаши-заде. Дом кади находился в северо-восточной части города, к северу от мечети аль-Азхар. – Прим. И. М. Фильштинского

²⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 102.

шое бедствие. Они содрогались до глубины души и вслух говорили, что когда-нибудь настанет момент восстать против подлых неверных и позволить исламу восторжествовать»²⁸. Непосредственным же толчком к выступлению, по мнению ат-Турка, стал приказ Бонапарта снести ворота внутри города между кварталами:

«Когда мусульмане увидели эти приготовления они пришли в движение, чтобы осуществить восстание, о котором мечтали, и с криками поспешили к большой мечети, именуемой аль-Азхар. Там они держали совет и, высказав свои самые потаенные мысли, отправили одного из факихов²⁹ мечети на улицы Каира, чтобы призвать людей идти к мечети аль-Азхар, где уже начали собираться воины. Тот принялся ходить по улицам, крича людям: “Пусть все, кто верит в Бога единого, придут в мечеть аль-Азхар. Сегодня настал день сразиться нам с неверными, отомстить за себя и очиститься от покрывшего нас позора”. Услышав голос этого факиха, мусульмане закрыли лавочки и рынки»³⁰.

Таким образом, судя по арабским источникам, восстание началось отнюдь не стихийно. Детонатором для него послужили целенаправленные действия ряда шейхов мечети аль-Азхар, находившихся, похоже, в сговоре с некоторыми уличными «активистами». Вместе с тем, о заранее разработанном заговорщиками плане восстания говорить тоже не приходится. Воспользовавшись тем, что недовольство населения французской оккупацией достигло критического уровня, инициаторы движения осознанно вызвали сход «лавины» народного бунта, после чего, как мы увидим далее, *фитна* пошла по обычному для нее пути неуправляемого хаотического насилия протестующей арабской улицы.

Смерть генерала Дююю

Момент, когда в начале восстания пролилась первая кровь, современники указывали по-разному. Бонапарт и ат-Турк, например, связывали его с прибытием генерала Дююю на место беспорядков. Однако ат-Турк довольно приблизительно излагает «подробности» гибели генерала, что заставляет усомниться в его достаточной осведомленности относительно данного эпизода. Бонапарта же в тот момент не было в Каире, а сопровождавший главнокомандующего и, значит, узнавший одновременно с ним о проис-

²⁸ *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Egypte. P., 1839. P. 76.*

²⁹ Факих – мусульманский богослов-правовед.

³⁰ *El-Turk N. Op. cit. P. 77.*

шедшем Детруа отнюдь далеко не столь однозначен в своих показаниях. По словам же капитана Ауэ, сначала повстанцы принялись убивать поодиночке французских военных, находившихся в городе, и только потом в дело довелось вступить генералу Дюпюи:

«Утром 30 вандемьера [21 октября] они [жители Каира] стали поодиночке убивать военнослужащих, рассеянных по разным кварталам города.

Бригадный генерал Дюпюи, комендант города, как только узнал о сборищах в центральных кварталах, отправил туда патрули, но восстание приобрело уже серьезный характер. Он послал известить о том главнокомандующего, который уехал в Гизу, а сам с эскортом драгун углубился в улицы города, чтобы утихомирить бунтовщиков, перекрывших проходы. Миротлюбивые слова оказались бесполезны, его окружили и угрожали ему смертью. Он попытался со своим эскортом отступить, но был тут же пронзен ударом [пики] так же, как его адъютант Мори. Эсорт тем не менее сумел вырвать его из рук убийц, но он почти тут же скончался. В этой ужасной схватке полегла и половина его эскорта»³¹.

Таким образом, согласно Ауэ, Дюпюи не был самой первой жертвой бунта, хотя, как мы видели, Бонапарт, а следом за ним некоторые историки, утверждали, что только после убийства коменданта города и вследствие такового беспорядки приобрели кровопролитный характер. Косвенно свидетельство Ауэ о том, что повстанцы начали убивать французских еще до смерти Дюпюи, подтверждает главный хирург Восточной армии Доминик Ларрей, который в своих воспоминаниях сообщает, что к тому времени, когда он станет оказывать помощь еще живому Дюпюи, повстанцы в другом квартале уже напали на французский госпиталь, убив несколько врачей и солдат:

«Генерал Дюпюи, комендант Каира, стал *одной из* первых жертв. Он получил в левую подмышечную впадину удар копья, которое вошло ему в грудь и перерезало подмышечную артерию. Я пробился через орду его убийц и нашел его без сознания лежащим на улице в окружении своих солдат. Я остановил его кровотечение, перевязал рану плотной повязкой и приказал отнести его к генералу Жюно, его другу, где несколько мгновений спустя он скончался. Оттуда я отправился по госпиталям, чтобы собрать там своих сотрудников и оказы-

³¹ SHD I M 583, f. 63r^o–63v^o.

вать необходимую помощь раненым. Но я испытал настоящее потрясение, когда, подойдя к дверям госпиталя № 1, обнаружил окровавленные трупы двух мои достойных товарищей, Руссея и Монжена, первоклассных хирургов, которых только что зарезали вместе с несколькими храбрыми военными за то, что они защищали вход в госпиталь. Им действительно удалось заставить [восставших] с уважением отнестись к этому прибежищу больных, но сделали они это ценой своих жизней»³².

Иными словами, движение приобрело насильственный характер отнюдь не потому, что вследствие стечения обстоятельств пролилась кровь французского коменданта Каира. Нет, кровь сразу же полилась одновременно в разных местах города как раз потому, что целью повстанцев с самого начала было уничтожение оккупантов, а не просто выражение недовольства ими, которое лишь случайно переросло в смертоубийство.

Пределы восстания

Вместе с тем это целенаправленно спровоцированное движение далее стало развиваться достаточно стихийно. Накопившаяся за месяцы оккупации ненависть мусульман к французам вырвалась наружу. Горожане принялись поголовно истреблять их. Доставалось и египетским христианам, поскольку многие из них активно сотрудничали с оккупантами. Ат-Турк рассказывает:

«Французы тогда были рассеяны по городу и, не понимая арабского языка, не знали, что происходит. Арабы набрасывались на них с разных сторон и убивали всех тех [французов], кого встречали по пути, так же, как и местных христиан, неважно были ли те зажиточными горожанами или людьми из народа. Это был день огромных бедствий и чудовищных ужасов. Затем мусульмане направились в квартал церкви Горы Синай, убили там нескольких человек и забирали из домов христиан всё, что пожелали, а также уводили с собой их жен и дочерей»³³.

О поголовном истреблении мусульманами в Каире французов, застигнутых в одиночку или в малых группах, свидетельствуют в своих воспоминаниях также П. Пеллепор, в то время лейтенант 18-й линейной полубригады, и бывший интендант Гранжан³⁴.

³² Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. P., 1812. T. 1. P. 230–231.

³³ El-Turk N. Op. cit. P. 78.

³⁴ Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes du général Vte de Pelleport, de 1793 à 1853. P., 1857. T. 1. P. 131; Journaux sur l'Expédition d'Égypte. Paris, 2000. P. 94–95.

Впрочем, общегородским восстание так и не стало. По свидетельству ал-Джабарти, оно локализовалось в восточной и северо-восточной части Каира, в кварталах, примыкавших к главной святыне египетской столицы – мечети аль-Азхар. Это явно свидетельствует об отсутствии какого-либо разработанного плана у инициаторов движения – младших шейхов мечети аль-Азхар. Эта мечеть действительно стала эпицентром восстания, но по мере отдаления от нее бунтарский импульс слабел и до другого конца города уже не доходил. Действия же повстанцев не выглядели заранее продуманными, а носили вполне спонтанный характер. Так, расправившись с находившимися в пределах их досягаемости французами и христианами, восставшие вместо того, чтобы, воспользовавшись растерянностью оккупантов, распространить движение на еще не захваченные им части города, приступили к организации обороны собственных кварталов. Ал-Джабарти говорит об этом так:

«Они <...> не выходили за пределы занятых ими районов. Восставшие разрушили каменные *мастабы*³⁵ лавок, а из камней сделали баррикады, которые должны были защищать их и помешать наступлению врага во время боя. За каждой баррикадой расположилась большая толпа жителей.

Что же касается пригородов Каира и районов, лежащих выше, то там никто не испытывал страха, не двигался и не спешил к восставшим на помощь. Таким образом, от участия в событиях отстранились жители кварталов Старого Каира и Булака, и единственное оправдание их состояло в очень большой близости этих районов от солдатских казарм»³⁶.

Так французы получили необходимое им время, чтобы оправиться от шока, восстановить координацию и перегруппировать свои войска.

Военная организация против стихии бунта

Бонапарт, по свидетельству сопровождавшего его Детруа, около 10 часов утра получил известие о начавшихся в Каире столкновениях и о том, что с обеих сторон имеются убитые. Главнокомандующий со свитой поспешно отправились обратно. Однако вернуться прежним путем, отмечает Детруа, им уже не удалось:

³⁵ Мастабы – каменные скамьи у стен домов.

³⁶ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 103.

«Попытавшись въехать в Каир через обычные ворота, мы были встречены градом камней. Сумев же проникнуть туда через Булакские ворота, мы нашли город в ужасном состоянии. Со всех сторон слышалась ружейная стрельба, на улицах всё чаще попадались трупы. Повсюду наши патрули были атакованы, а некоторые даже оттеснены до самого расположения резервных войск. В самом квартале Франков я, следуя во главе восьми гидов³⁷, был энергично атакован более чем 150 повстанцами и смог спастись, только проложив путь по их телам и прострелив голову тому, кто, как мне показалось, их возглавлял»³⁸.

По прибытии в штаб-квартиру на площади Азбекийя Бонапарт ознакомился с ситуацией и принял меры по организации подавления мятежа. Основу гарнизона Каира составляла дивизия генерала Луи Андре Бона. Его главнокомандующий и назначил временно комендантом города вместо погибшего Дюпюи. Основные силы французов были сосредоточены близ площади Азбекийя, где в бывшем дворце Альфи-бея находилась ставка главнокомандующего, и в Цитадели, расположенной на доминирующих над городом высотах. Однако немедленная попытка французской пехоты прорваться в центральные кварталы успехом не увенчалась. Капитан Ауэ рассказывает:

«Гарнизон был сильным. Он смог, как только объединил свои силы, взять под контроль входы в кварталы. Повстанцы числом около 20 000 чел. занимали весь центр, опираясь на мечеть аль-Азхар и окружающие ее улицы. Войска получили приказ проникнуть в квартал Франков и выбить турок оттуда. Со всех сторон велась ружейная стрельба, приведшая к большим потерям»³⁹.

О том, что попытка французов проникнуть в занятые повстанцами кварталы потерпела неудачу, сообщает и ал-Джабарти:

«В то время как группы воюющих находились на улицах у баррикад, прибыл отряд французов со стороны ал-Манахилийи и открыл огонь из винтовок по баррикаде квартала аш-Шавваин, за которой находились магрибинцы квартала ал-Фаххамин. Последние сражались до тех пор, пока не отбросили французов из квартала ал-Манахилийи»⁴⁰.

³⁷ Гиды – французская легкая кавалерия, составлявшая эскорт командующего армией в Итальянских 1796–1797 гг. и в Египетской кампании

³⁸ *La Jonquière C., de. L'expédition d'Égypte. T. 3. P. 278*

³⁹ SHD 1 M 583, f. 63v°.

⁴⁰ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 103.*

Первый день восстания не дал перевеса ни одной из сторон. Храбрость и упорство инсургентов в условиях городского боя на узких, извилистых улочках вполне уравнивали несомненное превосходство французов в военной выучке и вооружении. Однако наступившая ночь показала преимущество четкой армейской организации и строгой военной дисциплины французов перед стихией народного бунта.

Спровоцировав восстание, мятежные шейхи стали в некотором роде его духовными предводителями. Об этом свидетельствует, в частности, то, что именно они в конечном счете от лица повстанцев поведут с Бонапартом переговоры о капитуляции. Но шейхи совершенно не обладали необходимыми навыками ни для того, чтобы осуществлять военное руководство восставшими, ни для поддержания в их рядах дисциплины. В результате ночь после первого дня восстания ознаменовалась таким разгулом мародерства, о котором даже шейх ал-Джабарти, никоим образом французам не симпатизировавший, пишет с нескрываемым осуждением:

«Возбуждение и шум усилились. Простонародье вышло за пределы дозволенного и позволило себе крайности при отражении врага и его изгнании. Руки протянулись к грабежам и захватам, Восставшие напали на квартал ал-Джавванийя и полностью разграбили дома христиан — сирийцев и греков, а также находившиеся по соседству дома мусульман и унесли оттуда вещи и ценности. Они захватили в плен женщин и девушек, разграбили склад шелка, захватили имущество, которое там находилось, и совершили много постыдных дел, не помышляя об их последствиях. Всю ночь они не смыкали глаз и творили подобные бесчинства»⁴¹.

Совершенно иначе провели ту же ночь французы. Командующий артиллерией армии Доммартен получил приказ разместить тяжелые орудия в Цитадели и на горе Мукаттам, чтобы иметь возможность на следующий день подвергнуть мятежные кварталы интенсивной бомбардировке. Пока повстанцы предавались грабежам, французы тащили орудия на господствующие высоты. Слово капитану Ауэ:

«Ночь заставила остановить сражение, но генерал Доммартен использовал ее для того, чтобы установить батареи пушек и гаубиц на доминирующей возвышенности юго-восточнее города и подготовить всё для бомбардировки квартала Большой мечети [аль-Азхар]»⁴².

⁴¹ Там же.

⁴² SHD 1 M 583, f. 64r^o.

Когда взошло солнце, ни о каком равенстве сил уже не было и речи. Начатый французами 22 октября в полдень жестокий артиллерийский обстрел города заставил повстанцев к вечеру сложить оружие. Французские войска ворвались в мечеть аль-Азхар, захватив тех мятежных шейхов, которые не успели скрыться. И уже 23 октября Бонапарт написал своему начальнику штаба: «Прошу вас, гражданин генерал, дать приказ коменданту города отрубить головы всем пленникам, взятым с оружием в руках. Пусть их ночью отведут на берег Нила между Булаком и Старым Каиром, а обезглавленные трупы бросят в реку»⁴³.

Заключение

Как бы ни хотелось Наполеону в дальнейшем представить Первое Каирское восстание результатом случайного стечения обстоятельств, спровоцировавших стихийный всплеск народного бунта, анализ рассмотренных нами источников не позволяет разделить его точку зрения. Восстание было целенаправленно спровоцировано частью каирского духовенства и с самого начала имело ярко выраженную антифранцузскую направленность. Убийство генерала Дююи, которое Наполеон, а следом за ним и ряд историков, считали поворотным моментом в развитии тех событий, полагая, что только после него движение якобы и приобрело насильственный характер, таковым, судя по источникам, не было. Оно, по свидетельству французских и арабских современников, имело место одновременно с убийствами других французов, происходившими по всему Каиру, а может даже предварялось ими. Ведь инициаторы восстания, собственно, для того и поднимали народ, чтобы убивать французов.

Вместе с тем не подтверждается и встречающаяся в исторической литературе версия о том, что восстание разворачивалось по некоему плану, загодя разработанному участниками «заговора» шейхов. Хотя мятеж и был целенаправленно спровоцирован, он быстро вышел из-под контроля инициаторов, сумевших сохранить за собой роль только его духовных предводителей. Отсутствие реального военного руководства и продуманного плана действий у повстанцев стало главной слабостью движения, обусловившей его быстрое подавление. Когда же такое руководство у жителей Каира весной 1800 г. появится в лице турецких офицеров

⁴³ *Bonaparte N.* Op. cit. P. 564–565.

и мамлюкских беев, то французам уже не удастся военной силой подавить Второе Каирское восстание, и они смогут добиться его прекращения, только сочетая военные действия с политическими интригами⁴⁴.

REFERENCES

- Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта / Пер., пред. и комм. И. М. Фильштинского. М., 1962 [Abd ar-Rakhman al-Dzhabarti. Egipet v period èkspeditsii Bonaparta / Per., pred. i komm. I. M. Fil'shtinskogo. Moscow, 1962].
- Наполеон Бонапарт*. Египетский поход. СПб., 2007 [Napoleon Bonapart. Egipetskiï pokhod. Saint-Petersburg, 2007].
- Прусская Е. А.* Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // Французский ежегодник. 2010. Т. 42. С. 274–290 [Pruskaia E. A. Arabskie khroniki kak istochnik po istorii Egipetskoï èkspeditsii Bonaparta // Frantsuzskii ezhegodnik. 2010. T. 42. S. 274–290].
- Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016 [Pruskaia E. A. Frantsuzskaia èkspeditsiia v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriiatie dvukh tsivilizatsii. Moscow, 2016].
- Фильштинский И. М.* Каирские восстания 1798–1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарти // Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 46–56 [Fil'shtinskiï I. M. Kairskie vosstaniia 1798–1800 gg. i opisanie ikh v khronike Abd ar-Rakhmana al-Dzhabarti // Sovetskoe vostokovedenie. 1958. № 3. S. 46–56].
- Чудинов А. В.* Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // Французский ежегодник. 2015. Т. 48. С. 262–342 [Tchoudinov A. V. Vtoroe Kairskoe vosstanie: 20 marta – 21 apreliia 1800 g. // Frantsuzskii ezhegodnik. 2015. T. 48. S. 262–342].
- Чудинов А. В.* Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019 [Tchoudinov A. V. Zabytaia armiia. Frantsuzy v Egipte posle Bonaparta. 1799–1800. Moscow, 2019].
- Чудинов А. В.* О причинах Первого Каирского восстания 1798 г. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 74–96 [Tchoudinov A. V. O prichinakh Pervogo Kairskogo vosstaniia 1798 g. // Frantsuzskii ezhegodnik. 2023. T. 56. S. 74–96].

⁴⁴ Чудинов А. В. Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // ФЕ. 2015. Т. 48. С. 262–342; *Он же*. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019. Гл. 7.

- Чудинов А. В. «Хорошо забытое старое»: новые французские издания по истории Египетского похода Бонапарта // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. С. 293–313 [Tchoudinov A. V. «Khorosho zabytoe staroe»: novye frantsuzskie izdaniia po istorii Egipetskogo pokhoda Bonaparta // Frantsuzskii ezhegodnik. 2020. T. 53. С. 293–313].
- Bernoyer F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie, 1798–1800 : 19 lettres inédites. Port-Laval, 1981.
- Bonaparte N. Correspondance générale. La campagne d'Égypte et l'avènement. 1798–1799. Paris, 2005. Т. 2.
- Boudon J.-O. La campagne d'Égypte. Paris, 2018.
- El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Egypte / Publiée et traduite par M. Desgranges-aîné. Paris, 1839.
- Hauet E. L. F. Expédition d'Égypte, 1798–1801 : mémoires d'un officier de l'armée française. Le Caire, 2005.
- Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. Paris, 1830-1836. Т. 4.
- Journaux sur l'Expédition d'Égypte. Paris, 2000.
- La Jonquière C., de. L'expédition d'Égypte. 2e éd. Paris, 2003. Т. 3.
- Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Paris, 1812. Т. 1.
- Laurens H. L'expédition d'Égypte 1798-1801. Paris, 1997.
- Martin P.-D. Histoire de l'expédition française en Égypte. Paris, 1815. Т. 1.
- Merme J. M. Des pyramides à Moscou : souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier // Recueil des mémoires et documents de l'Académie de la Val d'Isère. Moûtiers, 1978. Т. 14. P. 11–30.
- Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes du général Vte de Pelleport, de 1793 à 1853. Paris ; Bordeaux, 1857. Т. 1.

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук, профессор
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва,
Мароновский переулок, 26
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: tchoudin@mail.ru

Alexander Tchoudinov

Dr. Hab. (History), Professor
State Academic University
for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok 119049, Moscow
Chief Researcher, I
nstitute of World History of
the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow, Russia
e-mail: tchoudin@mail.ru
Researcher ID B-9655-2017
ORCID: 0000-0003-2522-453X
Scopus ID: 26034936800